Землю не накрыла волна страха, ужаса или тьмы - наоборот, казалось, все небо прояснилось до горизонта и все мелкие и жалкие детали - тьма, свет, ужас, радость - просто уступили место абсолютной пустоте стерильного пространства, заставляющего людей наблюдающих за ним непроизвольно поводить плечами, самим не осознавая, что именно заставило их так отреагировать от представшего перед их глазами вида.

Ланселот, перехватив клинок, перевел свой взгляд в сторону. Это была не сторона, из которой послышался голос, возвестивший “По ком звонит колокол” - этот голос, казалось, происходил отовсюду и ниоткуда - сколько подчиняясь какой-то звериной интуиции, чутью, Ланселот знал, где возникла главная его угроза в этот момент.

Черная возвышающаяся фигура, закованная в стальные латы, чья голова была увенчана рогатым черепом, в пустых глазницах которого горело синее пламя.

Губы Ланселота мгновенно сложились в букву “о”, заставив того мгновенно вцепиться в свой клинок, забывая о всех своих предыдущих противниках для того, чтобы свести свой взгляд на новом враге.

Ланселот был “рыцарем рыцарей” - вместе с легендарным клинком, под контролем Богини, одаренный Дарами и рядом с Камелотом он мог сойтись на равных даже с богом…

Что означало, что для появившейся фигуры Первого Хассана он был угрозой на уровне требующихся двух ударов, а не одного.

Первый Хассан - создатель слова “ассасин”, сам синоним слову “смерть” и безымянный слуга Господа - даже Богиня не рисковала действовать в открытую против того. Пусть ее план и был больше, чем даже Первый Хассан - если бы тот решил сделать свой шаг - ее план не привел бы ни к чему, поскольку не был бы осуществлен вовсе. Все рыцари Круглого Стола единовременно против Первого Хассана имели бы шанс на победу только если бы Богиня лично скрестила свое копье с тем.

И этот противник выпал на долю Ланселота…

“Такова моя печальная участь” - только смог посетовать Слуга, прежде чем рев рядом с его ухом заставил его вспомнить, что помимо Первого Хассана прямо сейчас вместе с ним в бою участвовали и другие Слуги.

-ЛАНСЕЛОТ! - рев дикого загнанного зверя и грохот отозвался резко взрезавшей его разум болью от врезавшегося на полной скорости в его череп щита Галахада, заставив Ланселота на мгновение допустить дезориентацию в пространстве - в первый раз за все время сражения. Один только вид Первого Хассана привел Ланселота к этому исходу.

Впрочем, на этом успех сражающихся с Ланселотом Слуг закончился - в этот раз у Ланселота не было возможностей вежливо отвести от себя удары противника, разделываясь с теми едва не предупредительными ответами. Нет, промелькнувшая в руках рукоять его Арондайта врезалась в лицо Машу, срывая ту с места - после чего удар коленом в живот Бедивера заставил его согнуться вполовину, позабыв на мгновение о своей атаке. Клинок Жак также промахнулся мимо руки Ланселота спустя мгновение, после чего сверкающее сияние Арондайта отделило кисть, держащую клинок в руке Жак - после Первого Хассана - она являлась самой опасной из Слуг - особенно для Ланселота. Промелькнувшая же вдали фигура Артурии только приблизилась к Ланселоту, неспособная оказать влияние на течение боя.

Но все это было лишь отвлечением - потому, что спустя мгновение волосы на затылке

Ланселота встали в ужасе, заставив его развернуться и, напрягая каждый мускул в своем теле, направить свой клинок для защиты от удара безымянного черного меча Первого Хассана.

Грохот и скрежет, казалось, разнесся на километры вокруг - удар заставил Ланселота - самого Ланселота, находившегося от начала списка “слабейшие из Слуг” в данный момент так далеко, что проще было сказать, что он не пересекался с этой линией вовсе - наклониться вперед, словно бы уводя его вниз, и ему показалось даже на мгновение, будто бы все мышцы и сухожилия в его руках разорвались в единый момент, заставив Ланселота издать приглушенный рык, словно бы раненый дикий зверь, пытающийся огрызнуться в ответ на удар.

У Первого Хассана не было лица, только пустой подобный черепу шлем, сверкающий сапфировым сиянием внутри глазниц, однако даже если бы у него было лицо - скорее всего то не выразило бы никакой эмоции в этот момент. Ланселот был великим рыцарем - но просто великий рыцарь было мало для того, чтобы Первый Хассан проявил эмоции.

Или, по крайней мере, так должно было быть.

Удар Хассана не врезался в неостановимую преграду, вместо этого буквально вырвав правую руку Ланселота, отчаянно сжимающую рукоять Арондайта, из плеча. Проблема была в том, что спустя мгновение Ланселот, перехватив клинок, попытался ударить тем наотмашь обратно.

Не то, чтобы это было невозможно. Если человек был готов к пробивающей его разум боли, к последствиям, что могли привести в дальнейшем к инвалидности, и решился бы пожертвовать точностью и силой удара - даже обычный человек могу совершить подобное - что же говорить о Слугах, намного превосходивших людей как в силе, так и в стойкости.

Проблема, однако, существовала в том, что будучи “последним шансом” эффективность подобных действий была невелика - что для обычных людей, что для Слуг. Конечно же даже самые слабые, случайные и невероятные удары могли привести к чудесному исходу - потому в отчаянных попытках все же существовал собственный смысл - однако норма была такова, что клинок в сломанных руках не был также эффективен, как в обычных условиях.

Даже Первому Хассану было удивительно обнаружить то, что подобная простая логика не всегда оказывалась правдивой.

Ланселот, чья рука оказалась раздроблена, ухватившись за клинок, ударил тем наотмашь. И навык, “Вечное Оружейное Мастерство”, ответил ему. Способность всегда сражаться на высоте своего мастерства в любых условиях, как бы ни были те против Ланселота. Сломай все кости в организме Ланселота, отруби ему руки и брось его умирать на дороге - до тех пор, пока он мог “сражаться” он был бы также опасен, как только что начав бой. Даже если это “сражение” заключалось в попытках Ланселота укусить противника - до тех пор, пока в нем жила готовность продолжать бой - противнику стоило беречься его атаки.

Однако Ланселоту - Богине за ним - этого было мало. Умение продолжать сражаться на высоте своих способностей до самого момента гибели было прекрасно - однако Богиня распорядилась наградить Ланселота подходящим даром - и потому Первый Хассан, удар которого переломил кости в теле Ланселота, с некоторым удивлением обнаружил попытку атаковать его в ответ.

Удар Ланселота не просто не был ослаблен - нет, это было вполне ожидаемо учитывая все вышесказанное - он был сильнее, чем должен был быть. Куда быстрее и опаснее, чем должен был быть.

Безусловно, для Первого Хассана тот на самом деле не представлял опасности - удар

Арондайта лишь заскрежетал по появившемуся на его пути щиту из тяжелого черного металла - однако сам факт подобной атаки означал, что Ланселот был не просто силен - он была еще сильнее, чем могли подумать другие Слуги.

Следующий удар Первого Хассана врезался в тело Ланселота вновь, вспарывая плоть и сталь, прикрывающую ту, для проверки - и Ланселот отреагировал, еще быстрее и сильнее, чем до этого. Иными словами - гипотеза Первого Хассана была подтверждена.

-Цена Предательства,- Ланселот, видимо, поняв по молчаливой неизменной маске Первого Хассана направление движения его мыслей, и усмехнулся безрадостно,- Чем больше ран покрывает это тело - тем сильнее я становлюсь. А мои навыки всегда обеспечивают возможность распорядиться этой силой нужным образом.

Впрочем, реакция Первого Хассана на эти слова оказалась весьма приглушенной - если та вообще была. Заблокировав удар Ланселота - в следующее мгновение Хассан ударил клинком вновь - на этот раз Ланселот даже смог немного уйти в стороны от атаки легендарного ассасина. Не полностью, так что новая красная линия пропорола тело рыцаря, со скрежетом выгрызая кусок из его стальной брони - однако сам факт того, что он смог сделать это означал, что навыки Ланселота - и дарованные ему Камелотом и Богиней силы - стоили дорого даже в лице сражения с врагом, которого, согласно всякой логике, Ланселот не имел возможности победить.

Однако, в насмешку над этой самой логикой Ланселот сдвинулся в сторону, позволяя клинку Первого Хассана врезать плоть - чуть меньше и меньше и меньше с каждым разом - до тех пор пока Ланселот не смог выставить преграду на пути атаки Первого Хассана. И хотя его плоть вновь взвыла от боли и кости, сломанные до того, заскрежетали, превращаясь в крошку - через гримасу боли Ланселот смог ответить даже с каплей задора и гордости,- Не так просто... Старик...

Первый Хассан, однако, не отреагировал на слова Ланселота, лишь перехватив клинок вновь - и вновь ринувшись в бой.

***

Золотое сияние Экскалибура поглотило Висячие Сады Семирамиды и Семирамида мало что могла сделать в этот момент, кроме как подготовиться к удару. Ее парящий Благородный Фантазм был укреплен, конечно же - способен выдержать атаку сотен могущественных магов, направивших все силы на штурм парящей крепости Семирамиды...

Но Экскалибур был Экскалибуром. Даже если это был Экскалибур Короля Ричарда.

Так что поглотившее золотое сияние заставило сперва резко вздрогнуть Висячие Сады, пошатнув саму Семирамиду, после чего Семирамида поняла, что ее Благородный Фантазм пережила удар силы, на которую тот не был рассчитан.

А затем пришел грохот, на фоне которого всех Слуг, находящихся в Висячих Садах, сбило с ног - Араш, прицеливавшийся к своему противнику, едва не выпал наружу, чуть было не вылетев за пределы террасы, с которой он вел стрелковую дуэль. Семирамиды мгновенно ощутила, как за дрожью по ее парящему дворцу прошла дрожь по ее телу - не в страхе, а в осознании.

Висячие Сады лишились своей защиты и медленно начинали падать вниз.

Благородный Фантазм Семирамиды являлся магическим чудом, а не технологическим, а

потому не имел отдельных двигателей или подобного разделения на те или иные отсеки и функции содержимого - это означало, что, с одной стороны, противник не мог уронить парящую крепость Семирамиды. С другой стороны это же значило, что в случае, если противник нанесет значимый урон Висячим Садам - те упадут автоматически вниз, без необходимости атаковать ту или иную деталь Благородного Фантазма.

Парящий дворец Семирамиды пережил атаку Экскалибура. В каком-то смысле это можно было назвать достижением, которым Семирамида могла гордиться. На свете существовало не так много защит, способных выдержать удар Экскалибура - или подделки, бесконечно близкой к оригиналу Экскалибура - и по итогу расплатиться за это лишь запасами сил, не позволив обгореть ни одному волоску на головах защищаемых этими щитами подопечных, включая саму Семирамиду. Однако эта возможная искра гордости, промелькнувшая в разуме Семирамиды, не была способна затормозить падения Висячих Садов.

Монструозная громада парящего дворца накренилась в сторону, прежде чем медленно начать опускаться вниз - медленно, впрочем, лишь сравнительно ее полного размера. На самом деле дворец Семирамиды падал с ожидаемой для него скоростью - и сама Семирамида, ощутившая, как начинает в невесомости парить ее тело, словно бы от отправившегося быстро вниз лифта - поняла, что она падает. Представший перед ней выбор же не пестрил своей вариативностью.

Семирамида могла попытаться удержать падающий дворец. Вероятность удачного исхода в этом деле была не нулевой - но вместе с тем и вовсе не стопроцентной. Что было стопроцентным при этом, однако, так факт того, что Семирамиды полностью истощила бы свои силы - и если бы ее план не удался - она погибла бы, не сумев бы даже спастись со своего падающего дворца. Если же противник обладал возможностью повторно использовать подобие Благородного Фантазма Ричарда - то эта идея изначально была лишена смысла, даже если бы Семирамида добилась успеха.

Однако падение дворца Семирамиды с его высоты не было слишком резким - Экскалибур Ричарда пробился через щиты Висячих Садов, но Семирамида все еще сохраняла контроль над теми в последние минуты прерванного полета. И потому перед ней возник вопрос - проблема.

Семирамида была не из тех, кто легко принимает поражение. Если точнее, то правильнее было сказать, что она не принимала поражение вовсе - она скорее отгрызла бы себе язык, чем позволила бы тому извернуться и произнести это признание. И вместе с тем - она все же была не глупа.

Она понимала, что в результате произошедшего - ее неуязвимая крепость оказалась сбита, сброшена с неба, и прямо сейчас Семирамида двигалась к земле. Возможность взломать защиту Камелота в данном случае для Семирамиды была потеряна. Она осознавала это не хуже многих - однако, никогда не готовая признать свое поражение, не была готова просто смириться с этим. А потому, повернувшись к двум Слугам, стоящим рядом с ней, раздраженно вздохнула, чувствуя, как начинает набирать скорость падения ее дворец.

-Араш,- Семирамида отдала команду, позволив на мгновение своему раздражению на лице уступить место сожалению. При всем ее раздражении и непомерном эго - по крайней мере в ней сохранялась крупица человеческого сочувствия к ее союзникам,- Используй свой Благородный Фантазм.

Прямо сейчас для этого был лучший момент - до того, как Ричард доберется до Араша - а тот наверняка планировал сделать это прямо сейчас, помешав Арашу использовать свою полную силу - в момент, когда Араш мог еще видеть с высоты как Камелот, так и расположенных в том

противников - и пробить брешь в защиту того.

Однако брешь в щитах Камелота была лишь началом - ожидаемым и необходимым, но не идеальным.

Для того, чтобы окончательно обрушить щиты Камелота требовалось нечто большее. Если бы Висячие Сады Семирамиды все еще парили - то, позволив себе расслабленно заняться стрельбой, подобной тиру, Семирамида могла бы не беспокоиться об этом. Но если это было невозможно - то, по крайней мере, Семирамида планировала использовать боевую мощь своего дворца на полную силу.

-Санзанг,- Семирамида перенесла взгляд на монашку, ощутившую, как начинает падать земля под ее ногами, но еще не успевшую сообразить толком, что это означало в картине ее мира и сражения,- Ты ведь хотела помочь, не так ли?

Услышав эти слова Санзанг кивнула, чуть обрадованно, как ребенок, только и ожидавший возможности “помочь” взрослым, заставив Семирамиду выдохнуть через нос и развернуться, чувствуя, как стремительным ручейком утекает время, прежде чем медленно кивнуть,- Тогда ты тоже используй свой Благородный Фантазм. Настало время проверить, сколько лошадиных сил держит в себе одна монашка.

***

Араш воспринял новости об использовании своего Благородного Фантазма, о своей предстоящей гибели абсолютно спокойно. В конце концов когда твоя основная - и совершенно не малая - сила кроется способности, что однозначно приведет к твоей гибели после ее использования - начинаешь спокойно относится к своей гибели. Если не желать ту - кто в здравом уме вовсе желал подобного - то по крайней мере осознавать с рациональной точки зрения о возможности подобного исхода.

Поэтому, когда Араш услышал приказ Семирамиды - он не удивился и не убоялся приказа. Нужно - значит нужно.

В конце концов его легенда говорила о том, как он пожертвовал своей жизнью и телом ради достижения цели - прекращения войны. Он сделал это по собственной воле - он не был принужден к тому, чтобы выстрелить так сильно, что его тело не выдержало и разорвалось на части. Поэтому кроме легкой печали от того, что вот и подошел его черед пожертвовать собой - Араш больше никак не отреагировал на слова Семирамиды, прицеливаясь в последний раз к своему противнику, скрытому золотым сиянием Камелота. Фигура Тристана, все еще скрывающего свои зрачки за опущенными веками, возникла перед ним и, положив стрелу на тетиву лука, Араш натянул ту до упора, чувствуя, как от монструозного размаха начинают дрожать его сухожилия и трещать древесина лука. Ну да в любом случае это был его последний и самый грандиозный выстрел - какой смысл был в том, чтобы бережно относится к своему телу и оружию?

Араш приметился к своему противнику в последний раз, после чего почувствовал, как наливаются кровью и силой его мышцы и тело. Нечеловеческая мощь ударила в его тело, даруя ему ощущение полного всесилия на краткие моменты. Ощущение, что одновременно с тем отозвалось болью в каждой клетки слабого тела Араша, что не был готов к тому, чтобы выдержать эту мощь - боль от того, как каждое волокно, каждая мышца в теле Араша содрогнулась под ударом - и на его лице проступила ухмылка,- Стелла!

После чего тело Араша содрогнулось со скоростью, не уступающей даже Ричарду, прежде чем

вспыхнуть яркой солнечной вспышкой, на краткое мгновение перебив сияние даже ложного Экскалибура. Стрела, рассекая воздух так быстро, что не было даже звука ее движения или удара, не успели подняться потоки воздуха или рассеяться золотое сияние, как все было кончено. Подобно метеориту небольшая стрела врезалась в стены Камелота, так что даже Тристан, выдающийся среди сотен других своим мастерством лучника, не смог даже заметить мгновения удара. Вместо этого врезавшаяся стрела вспыхнула вновь - без единого звука, поскольку звук не поспевал за ее золотым сиянием. И взрыв сотряс Камелот.

Взрывная волна и огонь ударил так быстро, что на мгновение могло показаться, будто бы это все было пантомимой, поскольку не было ни грохота, ни единого звука от волны, мгновенно бросившей Тристана прочь, как разбитую куклу, или от пламени, поглотившего Камелот. Но это вовсе не было иллюзией - просто сама скорость атаки и сила удара была такова, что звук просто не поспел за этой атакой.

Удар кометы просто смел Тристана с места и даже золотое сияние Камелота, до того столь спокойное, загорелось словно бы Камелот впервые за все время почувствовал боль от удара. Монструозный грохот, способный сам по себе заставить уши услышавшего это человека кровоточить, разнесся вокруг - словно бы вверх ударил вулкан, пробившийся сквозь облака и выше атмосферы - и, в следующее мгновение, не было больше ничего. Золотая вспышка кометы, что пришла из ниоткуда и столь быстро, столь же быстро исчезла в никуда. Только огромная проплешина в золотом сиянии Камелота, словно зияющая рана, осталась напоминанием о том - и грохот, продолжающийся дальше, секунда за секундой, даже тогда, когда ударившая комета давно исчезла вовсе.

Тело Араша растворилось еще до того, как выпущенная им стрела достигла своей цели, не выдержав напора силы, использованной самим Арашем - впрочем, изначально Араш не должен был пережить использование своего Благородного Фантазма. Напоминанием об атаке того осталось только продолжающий реверберировать вокруг шум удара - и зияющая рана Камелота. Рана, что мгновенно начала стягиваться вновь.

При всей мощи Араша - а мощи ему и его Благородном Фантазму действительно было не занимать - он смог обеспечить лишь “брешь” в защите Камелота. Более чем достаточно даже для величайших, но даже так созданная им брешь могла просуществовать лишь, в лучшем случае, несколько минут.

Однако Семирамида не планировала так просто упускать свой шанс.

Поэтому спустя мгновение задорный голос Санзанг произнес имя ее Благородного Фантазма,- Пять элементов горной ладони Будды!

Спустя еще мгновение с неба ударила следующая комета. Однако, если первая ударившая в Камелот комета представляла из себя стрелу - то эта, к удивлению возможного стороннего наблюдателя, представляла из себя огромную ладонь, врезавшуюся в Камелот, словно бы гигант в небесах, пожелавший раздавить назойливого комара.

В конце концов, как было сказано в “Путешествии на Запад” однажды Сан Вуконг, добравшийся до “края мира” взглянул с того вниз и понял, что стоял он на ладони самого Будды, ибо весь был в ладони Будды. И Санзанг, “монах идущий на Запад”, хранила в себе частицу Будды - его дух и мощь. Ничтожно малую часть - но достаточную для того, чтобы по крайней мере попытаться явить миру это истинное чудо. Впрочем, Санзанг не представляла описание “всего мира в ладони Будды” как некоего мистического философского концепта, и использовала тот именно для явления гигантской ладони Будды, пригодной для того, чтобы

раздавить своего противника. Было это так из-за того, что Санзанг воплощала в себе лишь малую часть мощи Будды - или в том, что концепция того, что не всегда гигантская ладонь означала гигантскую ладонь в прямом смысле этого слова - было сказать достаточно сложно.

Но это было не столь важно до тех пор, пока ее Благородный Фантазм выполнял свою роль в полном объеме - а именно, уничтожал врагов.

Врезавшаяся в брешь гигантская ладонь заставила попытавшуюся было стянуться вновь золотистую дымку Камелота замереть на мгновение, отброшенную прочь, дробя попавший под ее удар камень, раскидывая прочь попавшихся под руку - во всех смыслах - рыцарей врага, и пробивая новый путь возможному противнику. Но даже этого было слишком мало.

Богиня Камелота не зря носила свой титул - и сам Камелот был “замком, не созданным людскими руками”, что чудесным образом возник в одну ночь - Благородный Фантазмы Слуг, использованный против него были могущественными, но даже у могущественного и легендарного был предел. Да, первая атака, атака Араша, пробила брешь в защите Камелота, а атака Санзанг расширила ту - однако даже этого, даже двух этих могущественных Благородных Фантазмов было недостаточно для того, чтобы разобраться с защитой Камелота.

Семирамида могла бы пробить эту защиту, однако ее Висячие Сады оказались сбиты с неба до того, как она смогла бы явить полную мощь своего Благородного Фантазма. Однако, даже если Висячие Сады оказались сбиты с неба…

В конце концов, сила удара была равна массе умноженной на ускорение падения, не так ли?

***

Сперва Аинз услышал грохот и почувствовал один удар, всколыхнувший землю под его ногами, затем второй и затем еще несколько, явно не собирающихся успокаиваться тк просто - небольшое землетрясение заставило все окружение Слуг задрожать, а громкие звуки заставили Аинза непроизвольно нахмурить брови, не желая подвергаться подобной какофонии. И все же, единовременно с неприятным звуком Аинз смог пронаблюдать весьма впечатляющую картину, уравновешивающую его состояние.

Монструозная громада Висячих Садов Семирамиды, отчаянно скрежеща, врезалась в Камелот - и ударная волна от столкновения двух дворцов разнеслась вокруг, окончательно обнажая сам Камелот. Впрочем, говорить о “мягком нутре” было еще безусловно рано - помимо защиты Камелот все еще обладал прочными стенами - преодолеть которые не составляло проблемы для Аинза, но составляло значительную проблему для всех остальных Слуг. Помимо этого Камелот все еще был окружен рыцарями Богини. И, в конце концов, сама Богиня все еще находилась внутри Камелота - а это в свою очередь значило, что, хотя действиям Семирамиды и можно было лишь поаплодировать - на них все еще не заканчивалось.

Поэтому Аинз, бросив взгляд на других Слуг, увязших в боях с противником, после чего на Медб, в какой-то момент все же отвлекшуюся от своего щебета… Скорее всего ненадолго - а значит Аинзу стоило воспользоваться этой возможностью прямо сейчас - и атаковать в сердце врага. Тем более, что ему действительно не хотелось просто отдавать сражение на откуп его Слугам - все же он являлся как самой главное боевойсилой с его стороны, так и Мастером своих Слуг - их боссом - а значит должен был как минимум проявить себя, не перекладывая весь груз работы и ответственности на плечи своих Слуг. По крайней мере сейчас, где его вмешательство было ожидаемо - и где сам Аинз не мог промахнуться со своим планом или помощью.

В чем - в чем, а по крайней мере в бою Аинз ориентировался лучше многих.

Поэтому, не решившись просто телепортироваться напрямую к противнику, Аинз использовал магию - Медб ответила на это своими способностями - и двое сильнейших бойцов со стороны нападающих поднялись в воздух, мгновенно направившись к тронному залу Камелота - по крайней мере к тому месту, что остальные люди назвали тронным залом, преодолевая сражения под ними и проскользнув мимо Тристана, что только-только смог отойти от атаки Араша, умудрившейся лишиь его половины тела даже тогда, когда он был защищен покровительством Камелота от всех атак.

Однако Аинз, не заинтересованный в Тристане, вместе с Медб проскочил над головой того, быстро перебравшись над расстилающимся под ним и впервые увиденным ковром зданий и улиц - стерильно белых, словно бы созданных бездушным мастером, не понимающим ничего о человеческих чувствах или предпочтениях - просто пустые иссушенные остовы, имитирующие человеческие поселения, о которых когда-то слышал архитектор.

Впрочем, Аинз прибыл в Камелот не с целью размышления об архитектурной природе того - так что, игнорируя остальных противников быстро тот добрался до балкона бездушной серо-белой башни, осмотревшись вокруг на предмет потенциальных противников. Окромя приземлившейся рядом с ним спустя мгновение Медб, впрочем, рядом с Аинзом не оказалось никого - так что тот, вздохнув, сделал шаг внутрь.

Внутренне убранство помещения, где он оказался спустя мгновение - предположительно тронного зала, учитывая подобие трона у дальней стены того, было… Наверное, самым правильным словом для описания того было “пустынным.” Или, может быть, стерильным. Не было ни пыли, ни единой помарки в светло-сером, отливающим сталью внутреннем убранстве замка - и не было ничего иного. Просто безжизненный, серый коридор, серая комната, трон, к которому не вела ни красная ковровая дорожка, ни ряды цветастых флагов, ни картины, ничего. Только серое, абсолютно безжизненное пространство, глядя на которые любой человек мог только повести плечами - настолько неуютным оно было в своей безжизненной пустой чистоте.

Впрочем, что-то в этом зале все же было. Или, если быть точнее, то “кто-то”. Сидящая на столь же холодном и безжизненном троне фигура определенно носила сходство с Артурией - однако в отличии от Артурии, словно бы замершей на пороге взрослости, едва выйдя за пределы юной нескладности - лицо закованной в стальные латы, оставив только голову и лицо не прикрытыми теми, принадлежало настоящей женщине. С золотыми волосами, спускающимися свободным водопадом по ее плечам, и небольшой золотой короной, венчающей ее голову - лицо, на котором холодные голубые глаза продолжали смотреть на мир с безразличием и отстраненностью, словно бы бездушный робот, не соотносящий себя с действиями этих странных существ из плоти и крови, копошащихся вокруг. Покрывающий ее плечи белый плащ, распластавшийся по ее трону из белого камня окончательно обрамлял ее фигуру.

Богиня - а никем иным замершая на своем троне, сохраняя спокойную, но напряженную позу с выпрямленной спиной, глядя на приближающейся к ней врагов, девушка быть не могла - была безоружна, однако это не говорило ни о чем. Она была безоружна лишь в этот момент - а в следующий, как и любой Слуга, она могла призвать к себе свое оружие и вступить в бой. Однако в данный момент та еще не начала сражения - и потому, проделав путь до Богини, Аинз замер. Он прекрасно понимал ожидаемый и необходимый ему порядок действий, однако начинать сражения сразу же - особенно сейчас, когда это не несло в себе тактического преимущества, ему казалось странным. Богиня, словно бы почуяв эти слова, открыл рот первой, собрав свой взгляд на Аинзе, прежде чем произнести медленно,- Значит, ты и есть тот,

кто решил уничтожить Камелот.

-Полагаю так,- Аинз ответил спокойно, бросив взгляд на Медб, подготавливаясь к сражению, что следовало за своеобразным “приветствием.”

-Печально,- Артурия, Богиня Камелота, произнесла с бесчувственной констатацией факта машины,- Значит, мой план потерпел крах… Человечество действительно обречено.

-Однако моя гибель с осознанием того, что я пыталась сохранить человечество до самого конца станет моим последним ободрением в этой жизни,- Артурия - или, точнее, Артория, Богиня Камелота, перенесла взгляд на Аинза и лишь протянула руку, в которой спустя мгновение появилось копье - огромное турнирное копье, подобное рогу, скручивающемуся в единое копье, прикрывающее ее руку, серо-стального цвета - и указала тем на Медб следующей, прежде чем произнести спокойно,- Что же, время для разговоров прошло.

Аинз, моргнувший от слов Богини, впрочем, с ней определенно был не согласен.

http://tl.rulate.ru/book/74423/3746185